

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Л. А. Гордон

Общество недовольных.
Социальная неудовлетворенность
как свойство массового сознания
в переходный период

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1998-3-Gordon.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ОБЩЕСТВО НЕДОВОЛЬНЫХ

Социальная неудовлетворенность как свойство массового сознания в переходный период

Л.А. Гордон

ГОРДОН Леонид Абрамович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом социально-трудовых исследований ИМЭМО РАН.

© "Полис" ("Политические исследования"), 1998

В этой работе вниманию читателей предлагаются размышления о том, почему в обозримой перспективе едва ли не большинство граждан России, включая тех, кто одобряет ее расставание с государственным социализмом, будет испытывать постоянное недовольство собственным положением, состоянием общества и ходом преобразований. Одновременно здесь сделана попытка описать возможные варианты изменений такой неудовлетворенности в предстоящие годы.

ПРЕДЕЛЫ РАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Представляется, что главная цель названного прогнозирования (в отличие от предвидения или пророчества) состоит вовсе не в определении того, что именно произойдет. Подобное — лишь счастливая "угадка". Смысл рационального общественного прогноза — в выявлении области и основных вариантов возможного, в отделении его от того, что невозможно, и еще — в анализе факторов, способствующих или препятствующих реализации тех или иных вариантов из числа возможных, в установлении сравнительной вероятности (большей, меньшей) этих вариантов. К тому же и в данном ограниченном понимании общественный прогноз не абсолютен. В социально-политической жизни может случиться (и случается) то, чего, по рациональному счету, быть не может. Тем более что любое суждение о социальном будущем в некоторой степени меняет исходные условия, одновременно и упрочивая, и подрывая собственные основания.

Однако рациональные суждения о конкретных перспективах общественного развития — при всей их многовариантности и неопределенности — чрезвычайно важны и полезны. Они образуют одну из посылок социального предвидения, которое возникает у гениального политика или пророка как сплав логики с интуицией, чутьем, опытом, чувством. Кроме того, выстраиваемые аналитиком логические рассуждения относительно возможных вариантов будущего способствуют развитию интуиции у политиков или деятелей в других сферах жизни общества. В этом отношении обсуждение вариантов напоминает штабные или деловые игры, значение которых для профессионального формирования "принимающих решения" — офицеров, бизнесменов, политиков и др. — трудно переоценить. Наконец, логическое развертывание вероятных моделей будущих событий удовлетворяет жгучую потребность "человека разумного" не просто в знании грядущего, но именно в размышлениях о том, "что случится на моем веку". Поэтому сам процесс выбора вариантов возможного будущего и осмысления обуславливающих их факторов, равно как и установление пределов возможного, заслуживают не меньшего внимания, чем однозначные суждения о том, что будет и чего не будет.

ВЕРОЯТНОСТЬ ДЛИТЕЛЬНОГО ПРЕОБЛАДАНИЯ НАСТРОЕНИЙ НЕДОВОЛЬСТВА

Умение отличать возможное от невозможного очень актуально и в приложении к перспективам развития массовых настроений в постсоветской

России, роста или ослабления в ней общественной напряженности, социальных и политических конфликтов, организованного или стихийного протестного потенциала. В данной связи первостепенное значение имеет вывод, который, как кажется, с непреложностью следует из анализа современной реальности: социальная ситуация, которую большинство российского общества оценит как нормальную, удовлетворительную, справедливую, не может сложиться раньше, чем через 20 — 30 лет со времени начала преобразований. (“Не раньше, чем” тут отнюдь не значит “через” — возврат к ощущению нормативности способен произойти и позже.) Эта нелегкая перспектива обусловливается неустранимыми в краткие сроки обстоятельствами.

Неизбежный в рамках госсocialизма разрыв между недостаточными темпами повышения благосостояния и ростом образованности, информированности, квалифицированности народного большинства еще в 1960 — 1980-е годы породил в России постоянно увеличивающееся отставание уровня жизни от потребностей. Условия жизни в это время улучшались в абсолютном выражении (хотя все медленнее и медленнее), но запросы среднего человека росли гораздо быстрее. В 1970 — 1980-е годы это противоречие осложнилось специфической экономической конъюнктурой. Освоение уникальных нефтяных и газовых месторождений Сибири и совпавшее с ним мировое повышение цен на энергоносители предоставили Советскому Союзу временный ресурс небывалого масштаба. Данный ресурс позволил на определенный период поднять валовой продукт и народное потребление выше уровня, соответствовавшего внутренним возможностям советского госсocialизма (1). Подобная ситуация не могла продолжаться (фактически и не длилась) больше 10 — 20 лет. Но за это время существенно упрочилось массовое недовольство и сформировались некоторые факторы его дальнейшего роста. “Нефтедолларовое” повышение благосостояния, при всем своем значении, не устраняло отставания уровня реального потребления в СССР от западного, и тем более — от растущих притязаний советских людей. Вместе с тем сам факт такого повышения (пусть и отстающего от потребностей) создавал подсознательную уверенность, что и в нашем обществе возможен постоянный подъем уровня жизни, а проблема состоит только в том, чтобы сделать его более быстрым и полным.

Наряду с разрывом между потребностями и потреблением рост образованности и информированности вел к тому, что все острее стало ощущаться отсутствие свободы. Увеличивающийся отрыв Запада в сферах демократии и благосостояния делал наши пороки еще более наглядными. Именно в это время сложилось массовое народное недовольство, которое и явилось одной из решающих причин, толкавших общество к “перестройке социализма”, а затем — к отказу от госсocialизма в пользу рыночно-капиталистической системы и демократического строя.

Резкая смена общественного порядка, даже если в конечном счете она и способна повысить эффективность производства (т.е. увеличить “пирог” общественных благ), демократизировать социально-политическую систему (обеспечить более приемлемый раздел этого “пирога”), всегда нарушает нормальное функционирование социума. Поэтому сколь бы очевидными ни были будущие преимущества (а именно так обстоит дело с заменой госсocialизма “социализованным” капитализмом, о чем свидетельствует сравнение СССР с Западом вообще, ГДР — с ФРГ или КНДР — с Республикой Корея, в частности), первоначально такая смена сопровождается серьезным общественным кризисом (2).

В СССР/России этот кризис стал особенно глубоким и всеобъемлющим по сравнению с другими социалистическими государствами. Этому способствовали как сами размеры и неоднородность страны, так и великодержавная политика союзного центра, сделавшая крайне сложным сохранение Союза ССР. Очень сильно сказался и повышенный масштаб социально-экономических диспропорций

в самой России, где были сосредоточены основные центры ВПК и главные индустриальные монстры всего соцлагеря. (Как известно, в СССР на российскую долю приходилось 3/4 ВПК (3). В рамках СЭВ и Советского Союза такое разделение труда обеспечивало России относительно высокий научно-технический потенциал, политические и определенные финансово-экономические преимущества, которые, однако, нивелировались имперским бременем. В условиях же перехода к рынку, в сочетании с обретением независимости бывшими соцстранами и советскими республиками, концентрация ВПК, тяжелой промышленности и военной науки обернулись для России громадным дополнительным препятствием на пути ее модернизации.

Но главное — мертвящая сила советской номенклатуры, ее инертность и генетическая неспособность идти на преобразования заставили лидеров перестройки отказаться от “китайской модели”, в соответствии с которой экономические реформы длительное время проводятся при сохранении устоев политической системы. Аналогичную стратегию власти пытались проводить у нас до 1987 — 1988 гг., но опыт убедил всех в ее практической неосуществимости в России. Пришлось вводить политику гласности и многопартийности до того, как возникла саморазвивающаяся экономическая система. С помощью подобной политики удалось бескровно преодолеть первую волну сопротивления номенклатуры. Но открывающая путь к реформам демократия, если она появляется в госсocialистической системе раньше создания рыночного хозяйства, неизбежно ведет к крайнему ослаблению государственности и механизмов управления. Устранение ранее командовавших обкомов и райкомов в таких условиях оборачивается тем, что снижается эффективность милиции, перестают ремонтировать дороги, падает налоговая дисциплина и т.п. Еще важнее — исчезает централизованный инструмент проведения реформ, так что эти последние приобретают полустихийный, слабоуправляемый характер. Серьезная социальная защита, государственная поддержка тех, на ком реформы отражаются тяжелее всего, оказываются при этом почти невозможными. Поскольку устранение госсocialистической системы в конце XX в. стало решающим фактором национального спасения России, резкое ослабление государственности, без которого не удавалось развернуть преобразования, было в наших условиях меньшим злом. Но тем не менее — злом, тяжелой платой за полувековую или четвертьвековую задержку с уходом из госсocialизма (4).

Разумеется, существенной причиной того, что кризис перехода к другим порядкам оказался у нас особенно глубоким и мучительным, явились субъективные факторы: ошибки, слабости, пороки самих руководителей преобразований, порожденные в немалой степени атмосферой общественной аморальности, некой нравственной неразвитостью народа (т.е. едва ли не каждого из нас). Однако представляется, что подобные факторы играли в наших бедствиях все-таки роль второго, а не первого плана.

Что касается большинства острейших проблем, начиная со столь оспариваемой приватизации, то критика принятых решений (отнюдь не голословная) все же не кажется более убедительной, чем доводы в их поддержку. Ибо тяжелое положение, сложившееся после начала массовой приватизации, никак не означает, что отказ от нее или проведение ее другими способами не привели бы к еще худшим результатам (если вообще были бы возможны). Так или иначе, но социальная цена нынешних преобразований пока что несопоставима с ценой других (сравнимых по масштабам, но противоположных по направленности) разломов в русской истории XX в. — с кровавой гражданской войной, последовавшей за революцией, а также с коллективизацией, голодом и террором.

В общем, какими бы причинами ни был обусловлен переходный кризис в современной России, его особые, большие, чем в прочих странах, глубина и тяжесть не вызывают сомнений. В связи с этим кризисом потенциал прогресса,

обусловленный устранением госсocialизма, реализуется пока лишь в ограниченной степени. Наоборот, последствия спада производства (на треть или половину) и нарушения привычных порядков ощущаются самым непосредственным образом. В результате вместо повсеместного улучшения и подъема уровня благосостояния происходят более чем противоречивые перемены. Одни составляющие жизненной обстановки улучшаются, другие — ухудшаются, третьи — остаются неизменными. Бесспорно, раздвигаются рамки политической, мировоззренческой, религиозной свободы и терпимости, свободы труда, потребительского выбора и бытового поведения. В некоторых отношениях возросло фактическое потребление массовых групп населения: большинство носит лучшие одежду и обувь, почти в каждом доме появились цветные телевизоры, телефонизация охватила половину горожан, загородные домики и личный автомобиль вошли в быт каждой третьей-четвертой семьи. Но одновременно в полтора-два раза понизилась оплата труда основной массы наемных работников, возникла безработица, ухудшилась структура питания, резко сократились привычные возможности отдыха, приобщения к активным, нетелевизионным формам досуга и культурного потребления (5). При этом кажется, что в целом воздействие на условия жизни подавляющей части населения понижающих факторов пока что превосходит влияние факторов, повышающих благосостояние.

Объективная острота новых противоречий и тягот резко усугубляется их непривычностью, вполне понятным отсутствием у основной массы населения умений и навыков пользоваться преимуществами новых порядков и нивелировать связанные с ними антагонизмы. Яснее всего это сказывается в социальной сфере. Здесь распались прежние — очень, правда, неэффективные — механизмы социальной защиты и обеспечения. Одновременно открылись теоретические возможности замены их самодеятельной активностью и самоорганизацией населения. Формально ничто не препятствует активности профсоюзов, потребительских обществ, кооперации, развертыванию социальных кампаний, забастовок, обращениям в суды и т.д. Но овладение этими методами требует немало времени и определенного опыта. Поэтому на практике темпы разрушения старых систем социальной защиты и поддержки намного опережают рост и развитие новых. В результате 70 — 80% населения испытывают неуверенность в завтрашнем дне и придерживаются убеждения, что в нашем обществе не соблюдаются социальные права.

Еще нагляднее влияние факторов непривычности и невладения новыми институтами проявляется в политической сфере. Подавляющая часть общества (примерно 75%) согласна с тем, что в современной России появились свобода слова и свобода организаций, которых не было в советские времена. Но лишь 12% признают, что теперь легче, чем раньше, воздействовать на политику государства; остальные не видят перемен в этом отношении или даже говорят об изменениях в худшую сторону, что уж вовсе не соответствует действительности (6). Напряженность вызывают и непривычные формы новаций даже явно позитивного характера. Скажем, множество людей воспринимает разницу цен на одинаковые товары (т.е. ситуацию, в принципе выгодную для потребителя) чуть ли не с большим раздражением, чем рост цен в целом. Точно так же привычные в прошлом дефицит и очереди вспоминаются очень многими как явления более приемлемые, нежели дороговизна, хотя фактическая доля населения, которой доставались тогда дефицитные товары, была не больше доли тех, кому доступны дорогие вещи теперь. В широком смысле непривычность, нетрадиционность проблем переходного периода усугубляет негативное, неприязненное восприятие едва ли не всех перемен.

Сегодняшняя очень высокая оплата труда в финансовой системе по сравнению с промышленностью социально ничуть не более оправдана, чем обратное положение, существовавшее вчера. В доходах и привилегиях советских номенклатурных посредственностей было не больше справедливости, чем в

нынешнем богатстве удачливых авантюристов или вороватых приватизаторов. Среди тех, кто ныне выбился наверх, есть заслуживающие этого талантливые люди, но, тем не менее, в целом современная социальная дифференциация в современной России чрезмерна, неэффективна и недемократична. В этом смысле массовое недовольство ею вполне оправдано. Но дифференциация и в советском обществе была не более справедливой или умеренной; поэтому если не само возмущение нынешними социальными неравенствами, то большая, чем раньше, напряженность такого возмущения во многом обусловлена именно их непривычностью.

К тому же новые тяготы и противоречия не замещают прежние, а накладываются на них. Появившийся еще в 1960 — 1970-е годы разрыв между потребностями и степенью их удовлетворения ничуть не уменьшился в последнее десятилетие. Напротив, широкие возможности для знакомства с жизнью в западных странах, равно как и нагло демонстративное поведение “новых русских”, сделали этот разрыв еще более мучительно осознаваемым. В конечном счете переход от госсocialизма к рынку и демократии, открывший возможность улучшения жизни людей в долгосрочной перспективе, пока что, т.е. на первых этапах такого перехода, создает условия не для сокращения, а для роста массового социального недовольства.

Уяснение объективной природы социальной неудовлетворенности в современной России, несомненно, важно, но недостаточно для обоснования вывода о долгосрочном сохранении такой неудовлетворенности. Для этого необходимо понять, почему за несколько лет нельзя создать условия, в которых большинство населения перестанет испытывать социальное недовольство. Невозможность коренного изменения за короткий срок, например, к следующему избирательному циклу (1999 — 2000 г.) самоочевидна: никакие экономические “чудеса” не дают действительно ощутимых результатов меньше, чем за 5 — 10 лет. Так было и в США времен рузвельтовского “нового курса”, и в послевоенной ФРГ. В России накопленные диспропорции и научно-техническое отставание настолько велики, что только формирование технико-экономических предпосылок подъема займет у нас, скорее всего, существенно больше времени. Кроме того, для обеспечения реального подъема нужно, чтобы наряду с технико-экономическими начали действовать также и социокультурные факторы. Ни в США после великой депрессии, ни в Германии, Японии, Италии после военной разрухи, ни даже в Чили или Южной Корее периода военных диктатур не было необходимости соединять собственно экономические реформы с изменением основ общественного строя. Между тем, именно в таком соединении — специфика перемен, происходящих в России.

Экономический подъем, конечно, может начаться в России в сравнительно близком будущем, буквально не сегодня — завтра, считая по историческому времени. Однако эффективность производства, сопоставимая с характерной для развитых рыночно-капиталистических экономик, будет достигнута лишь тогда, когда сравнимыми окажутся не только производственно-технический аппарат, но и сами работники (и рядовые, и руководители), их трудовая этика, ценности, привычки и ориентации, дисциплинированность, инициативность, предприимчивость и т.д. Даже больше: рыночно-капиталистическая система обеспечивает тот уровень национального богатства, который имеется на Западе, лишь тогда, когда ей соответствует определенный уровень производственной, бытовой, политической и социально-экономической культуры. Между тем для социокультурных сдвигов требуются совсем иные временные промежутки; очевидно, речь должна идти о десятилетиях и поколениях 1.

Здесь, понятно, напрашивается возражение, основанное на том, что для смягчения массового недовольства не требуется достижения полной рыночной эффективности; достаточно, чтобы обозначилась устойчивая, ощущаемая большинством тенденция к улучшению жизни. В таком возражении есть резон.

Потому можно с уверенностью говорить, что для изменения социальной атмосферы не обязательно ждать завершения цикла социально-культурных перемен, требующего смены многих поколений. (На Западе формирование современного работника происходило в течение 150 — 200 лет, если не дольше.) Но и начальные стадии подъема экономики на рыночной основе приобретут устойчивый характер только при адекватных изменениях в сферах культуры, психологии, ценностей. А подобные перемены, даже не завершённые, все-таки занимают жизнь одного-двух поколений. Это много меньше нескольких генераций, которые необходимы для полной смены культурного типа, но все же время тут измеряется десятилетиями (хорошо, если двумя или тремя), а не годами.

Наконец, быть может, самое важное. Состояние удовлетворенности, ощущение социальной ситуации как нормальной зависит не только от объективного уровня благополучия или направления перемен. Такое состояние достигается лишь тогда, когда все устройство жизни отвечает привычным, в значительной степени неосознаваемым либо подсознательным представлениям о должном, о правильном, о хорошем (6). Между тем механизмы массового (да и индивидуального) сознания устроены таким образом, что основные представления формируются в начале жизни — на этапе первичной социализации. Поэтому ощущение непривычности жизнеустройства и порождаемое им недовольство будут в той или иной степени рассеяны в массовом сознании до тех пор, пока не произойдет смена поколений.

В эпохи кардинальных общественных перемен адаптация к новому строю жизни, складывание социальной удовлетворенности им неотделимы от преодоления “страшной силы привычки” (выражение В.И.Ленина, а ему можно верить, когда дело касается механики таких эпох). Соответственно, движение к состоянию удовлетворенности протекает в генерационном, поколенческом цикле, и двадцати-тридцатилетние сроки являются здесь самыми малыми единицами перемен, так сказать, первичными временными квантами.

Вот почему преобладание массовой социальной удовлетворенности находится вне области достижимого — по крайней мере, в ближайшие годы.

ВАРИАНТЫ МАССОВОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

То обстоятельство, что состояние российского общества в предстоящие 20 — 30 лет не будет восприниматься народным большинством как “нормальное”, “правильное”, “справедливое”, существенно сужает спектр реальных вариантов социального развития в обозримой перспективе. Тем не менее и в этих довольно узких пределах социальная эволюция, в частности, рост и спад напряженности, общественные движения, протестная активность могут разворачиваться очень по-разному.

Естественно, многое тут зависит от экономического положения. Хотя полная реализация рыночного потенциала, несущая процветание, требует десятилетий, вполне устойчивая тенденция к подъему может обозначиться уже в ближайшие годы. Однако по отмеченным выше причинам она все равно не обеспечит массового ощущения процветания и благополучия раньше смены поколений. Но степень проявления недовольства при этом будет достаточно умеренной. Так что речь может идти не о недовольстве, а об отсутствии удовлетворенности. Напротив, если в течение нескольких лет будет преобладать спад или стагнация хозяйственной деятельности, нынешнее пассивно-ворчливое недовольство перерастет в бурное возмущение, в “гроздь гнева”.

Как меняется накал недовольства и что это значит в смысле социальной активности, выразительно показывают материалы всероссийских социологических обследований. По данным большинства опросов ВЦИОМ, в 1993 — 1997 гг. доля людей, считавших, что “все не так плохо и можно жить”, почти

никогда не превышала 10%, доля уклонившихся от ответа — 5%. Остальные 80 — 85% приходились на долю недовольных и неудовлетворенных. При этом около 45 — 50% респондентов говорили, что “жить трудно, но терпеть можно”, а 35 — 40% — что “терпеть наше бедственное положение уже невозможно”. Однако в отдельные месяцы (например, в начале 1997 г. в “пик” невыплат зарплаты) соотношение менялось: доля тех, кто не способен терпеть, поднималась до 45%, а тех, кто был готов потерпеть еще, опускалась до 40%. В эти же месяцы заметно подсакивала (по оценке опрашиваемых) вероятность массовых выступлений и волнений в местах их жительства: до 40 — 45% против обычных 20 — 30% (8). Можно заключить, что и в будущем положительная экономическая динамика (особенно если она будет сопровождаться хотя бы минимальным повышением уровня жизни), скорее всего, приведет к преобладанию “терпеливой неудовлетворенности”, отрицательная — к росту “нетерпящего недовольства”.

Понятно, что действительное соотношение более или менее опасных для общества форм недовольства зависит от множества социальных, политических, культурных, психологических факторов, их сложнейшего взаимодействия, а не только от экономической конъюнктуры [2](#). Вряд ли вообще возможен успешный прогноз, учитывающий все разнообразие их сочетаний. Однако стоит попытаться классифицировать форму и степень недовольства (которое вовсе не сводится к “терпеливой” и “нетерпеливой” неудовлетворенности), чтобы затем определить их сравнительное значение и перспективы смягчения. Сделать это можно с тем большей надежностью, что основные формы будущего недовольства и протестной активности (особенно, когда речь идет о ближайшем будущем) присутствуют в сегодняшней социальной реальности.

С точки зрения социальных последствий, помимо сильной и слабой неудовлетворенности важно отличать преимущественно пассивные от (в основном) активных форм недовольства. Не менее важно учитывать истоки недовольства. Это позволит выделить среди его носителей тех, кто находит причину переживаемых тягот в самой рыночно-капиталистической (антиэтатистской и антисоциалистической) направленности нынешних преобразований; тех, кто не удовлетворен ходом преобразований, хотя в целом поддерживает отказ от госсocialизма, но хотел бы расстаться с ним менее болезненным образом. Соответственно, можно представить четыре как бы классических типа недовольства, характерных для современной России.

Во-первых, пассивное, не выливающееся в действия недовольство людей, которым чужды и тягостны современные преобразования, но которые отчаялись что-либо изменить, кто боится или не умеет противодействовать переменам и потому смирился с ними.

Во-вторых, недовольство происходящим, обусловленное тем же неприятием природы перемен, их направленностью против прежних устоев советского (госсocialистического) строя, но имеющее активный характер, выливающееся в готовность действительно противостоять нынешним “антинародным” реформам.

В-третьих, пассивная неудовлетворенность непривычностью и трудностями перемен, сочетающаяся с убеждением или верой в их желательность. Трудности здесь воспринимаются либо как малозначительные, либо как неизбежные, во всяком случае, не поддающиеся быстрому устранению; обычно в таких настроениях сильна надежда, что со временем все образуетса само собой.

Наконец, в-четвертых, активная неудовлетворенность тем, как осуществляются необходимые и желательные преобразования. Недовольство этого рода и обусловленные им действия направлены не против реформ как таковых, но против их методов — на усиление начал социальной защиты и справедливости в программах модернизации.

Разумеется, в живой жизни эти разновидности выступают не в чистых и последовательных формах, а скорее как сочетания, наборы разных социально-психологических реакций. Однако в качестве тенденций эти тяготения и склонности несомненно присутствуют в обществе. Такие тенденции можно использовать как логический каркас, своего рода сетку координат настроений общественного недовольства. Она дает основания классифицировать виды недовольства и понять последствия преимущественного развития тенденций того или иного типа.

Преобладание активного недовольства направленностью реформ явно будет препятствовать их развертыванию. При крайнем обострении оно может привести к отказу от рыночно-демократической модернизации, подобно тому, как это уже случилось у нас в первой четверти XX в. Господство пассивной неудовлетворенности само по себе не создает условий для полного срыва реформ. Поэтому, с точки зрения их сторонников, оно выглядит менее опасным. Однако пассивное недовольство сущностью происходящих перемен образует питательную среду, в которой легко созревает активное противодействие им. К тому же если взятые в отдельности настроения пассивного недовольства направленностью преобразований и не способны изменить их рыночную природу, то, формируя массовые психологические и электоральные предпочтения активно недовольного меньшинства, такие настроения могут явиться важнейшей предпосылкой успеха антиреформаторских движений.

Впрочем, пассивное неприятие перемен (даже если оно не окажется опорой активных антиреформаторских настроений и действий) все равно замедляет реформы и, главное, ухудшает их качество. Исторический опыт убеждает, что широкое недовольство осуществляемыми сверху преобразованиями, если оно остается пассивным и не подкрепляется массовыми действиями, чаще всего оборачивается отходом от демократического характера реформ, а затем и выхолащиванием их содержания. Власть, осуществляющая реформы в среде недовольных, но не претворяющих это недовольство в социально организованную активность, — такая власть лишь коснеет в стремлении навязывать свою волю, бюрократизируется и разлагается, направляя перемены по технократическому, авторитарно-деспотическому пути или имитируя их. В итоге, даже если модернизация продолжается, ее результатом оказываются наихудшие, наименее развитые виды рыночных систем (например, номенклатурно-олигархические), которые еще очень долго потом придется “отделывать”, чтобы возникло социально ориентированное и демократическое рыночное общество, а это требует очередных жертв и далеко не всегда завершается успехом.

В России подобная опасность особенно велика, ибо технократическая направленность свойственна у нас даже молодым реформаторским силам, не говоря уже о власти имущих из старой номенклатуры. Как известно, представители ленинградских экономистов-рыночников, в дальнейшем заметно пополнившие московскую команду реформаторов, еще в 1990 г. соглашались с неизбежностью антидемократических мер при проведении реформ (10). Споры нет, понимание такой неизбежности говорит о проницательности и трезвости тех, кто заранее принимал это во внимание. Но оно же свидетельствует, что будущие реформаторы с самого начала не верили в потенциал демократии, не думали хоть как-то попытаться его развить и использовать, да и не умели это делать. Высокомерно-равнодушное отношение многих из них к новому рабочему движению 1991 — 1993 гг., когда оно могло стать действенной силой демократизации реформ, явилось, на наш взгляд, закономерным следствием подобных установок и неумения.

Надо признать, что к аналогичным последствиям ведет и преобладание, если так можно выразиться, пассивного демократического недовольства, т.е. недовольства, направленного не против рыночной антигоссоциалистической

природы преобразований, но против способов и путей их осуществления. Коль скоро это недовольство остается бездейственным, “замороженным”, то воссоздаются условия для бюрократизации и авторитарного нажима на рядового человека. И тут мало что меняет принципиальное совпадение абстрактных долгосрочных целей у правящих реформаторских элит и у массовых слоев народа. Эти последние разочарованы не тем, куда власть пытается вести общество, а тем, как она это делает. Нечего и говорить, что в определенных обстоятельствах, например, когда широкое развитие получает активное антиреформаторское недовольство, пассивная неудовлетворенность, пусть и вполне демократическая, может оказаться невольным союзником “вечно вчерашних”.

Иное воздействие на ход общественного развития оказывает активное демократическое недовольство. Когда несогласие с методами и характером осуществления преобразований — при одобрении их целей — выливается в организованные действия, в итоге вполне возможны существенные изменения в реальной политике властей. Как свидетельствует история, в эпохи радикальных преобразований власть наилучшим образом реализует реформаторские устремления в условиях, когда общественная “середина”, поддерживая главное направление преобразований, одновременно оказывает на проводящие их группы действенный нажим, заставляя элиты максимально учитывать социальную справедливость и массовые интересы. Кстати, при заметном развитии активного демократического недовольства пассивная демократическая неудовлетворенность также становится эффективным фактором облегчения и ускорения преобразований, поскольку эта последняя (да и другие течения пассивного недовольства) усиливает первое. В данном отношении взаимодействие пассивных и активных настроений демократического и антидемократического характера вполне симметрично.

Разумеется, на крутых исторических поворотах активное демократическое недовольство таит немалые опасности для социума — всегда есть угроза перехода организованных действий в неуправляемую стихию, в социальный хаос, в аномию, которые бывают хуже иной жесткой авторитарности. Сверх того, в обществе, где постоянно взаимодействуют различные социальные силы и всевозможные токи массового сознания, активное демократическое недовольство может способствовать усилению давления недовольства антидемократического. В частности, подобная угроза, по мнению большей части российской демократической общественности, существовала на президентских выборах 1996 г. Поэтому оценка ведущих долговременных тенденций не заменяет тщательного наблюдения за конкретными ситуациями. Но и многообразие таких ситуаций не означает, что магистральные тенденции и их оценка вообще несущественны.

Короче говоря, последствия неустранимого в обозримом будущем массового социального недовольства находятся в прямой зависимости от того, какие его “потoki” окажутся преобладающими. С позиций человека, убежденного в необходимости отказа от госсocialизма и перехода на пути рыночно-демократической, капиталистической (лучше — посткапиталистической) эволюции, эти последствия можно оценить следующим образом:

— наибольшую опасность представляет преобладание активного антирыночного недовольства, грозящего повторным в XX в. срывом модернизации российского общества;

— меньшие, но достаточно серьезные угрозы связаны с пассивными формами недовольства; сами по себе они не способны сорвать переход к рынку, но если получают наибольшее распространение, то очень вероятно, что преобразования надолго приобретут элитарно-олигархический, недемократический характер; при этом пассивная форма недовольства,

отсутствие активной реакции на тяготы модернизации важнее его направленности — антирыночной или прорыночной;

— преимущественное развитие активного демократического недовольства, скорее всего, не угроза, а позитивная составляющая модернизации; оно способно стать фактором смягчения социальных тягот перехода к рынку и демократии, средством противодействия авторитарным и элитарно-патерналистским тенденциям, неизбежно возникающим в ходе модернизации.

РАВНОВЕСИЕ ФАКТОРОВ СОДЕЙСТВИЯ И ПРЕПЯТСТВИЯ РОСТУ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ НЕДОВОЛЬСТВА

Все же надежда получить точный прогноз относительно того, какой из потоков недовольства возобладает в обозримом будущем, ничтожно мала. И дело здесь не только в том, что процессы массового сознания противоречивы, информация о них скудна и не вполне достоверна, а возможности аналитиков ограничены, хотя все это имеет место. Главное препятствие — объективная сложность сегодняшней российской ситуации, наличие в ней многообразных, противоречивых обстоятельств, как способствующих, так и препятствующих росту каждого из вышеописанных типов общественного недовольства.

Ясно, что в России присутствует мощная историческая традиция терпения и патерналистского упования на то, что жизненные проблемы народа решит некоторая сторонняя, высшая сила — власть, партия “нового типа”, государство, “варяги” и т.п. При прочих равных эта традиция повышает вероятность развития пассивного недовольства. Но вместе с тем для нашей истории столь же характерно, что во времена системных кризисов терпеливая пассивность внезапно оборачивается кипением, бунтом. Впрочем, экстраполяция прошлого опыта не слишком полезна для оценки будущих возможностей. Нынешний кризис переживает совершенно новая страна, мало похожая на ту, что проходила через прошлые смуты, даже в XX в. Именно в последнюю четверть нашего столетия Россия из деревенской и крестьянской стала городской, рабочей страной, с населением, в подавляющем большинстве закончившим среднюю школу, с десятками миллионов людей, получивших высшее образование [3](#). Очень возможно, что эта новая страна будет реагировать на потрясения совсем иначе, чем прежняя Россия. Тем более что для перерастания преимущественно пассивного недовольства в преимущественно активное совсем не требуется активность большинства. Достаточно, если большинство просто последует за активным ядром.

Еще сложнее учесть соотношение факторов, определяющих направленность недовольства. В ряду таких факторов ведущую роль могут играть не только самоочевидные, лежащие на поверхности обстоятельства, вроде перемен в экономике. Несомненно, хозяйственное оживление и связанное с ним повышение жизненного уровня, как уже говорилось, способны существенно смягчить массовое недовольство, а продолжение спада или стагнация — обострить его. Но чисто экономические, материально-вещественные процессы, меняя напряженность недовольства и в этом смысле влияя на выборы, вряд ли смогут полностью изменить эмоциональное приятие или неприятие реформ, да еще на подсознательном уровне. Помимо непосредственных тягот общественную атмосферу не в меньшей (а подчас в большей) степени создает распространенная система ценностей. Устойчивость ее на протяжении человеческой жизни обуславливает сохранение недовольства до смены поколений. Непривычность возникающих порядков оказывается для сознания не просто предпосылкой сохранения неудовлетворенности, но и причиной того, что неудовлетворенность чаще обращается против реформ как таковых, чем против неудачных приемов или неверных путей их проведения. Другими словами, несоответствие традиционных ценностей и нового жизнеустройства есть мощный

фактор, толкающий к длительному преобладанию именно антиреформаторского недовольства.

Вместе с тем в российском обществе действуют и противонаправленные социально-психологические механизмы. Естественным образом возрастает доля молодежи, чьи ориентации и ценности формируются в нынешних условиях. Для молодых людей органичны, привычны именно современные — состязательные — порядки и идеалы, и потому их недовольство направляется не столько против преобразований, сколько против методов их осуществления.

К сходному типу “прореформаторского” недовольства тяготеет основная часть наиболее культурно продвинутых слоев общества. Надо принять в расчет, что ценностные сдвиги идут легче и быстрее в среде с высоким уровнем образования, в условиях современных городов. Поэтому у части интеллигенции и жителей столиц или мегаполисов отход от госсocialистических ценностей начался еще в советские времена, в годы “оттепели”. Конечно, и им непривычны и неприятны многие новые порядки, обычаи, установления, особенно те, что произрастают из очень сильных сейчас элементов раннего, или “дикого”, капитализма. Так что недовольство характерно и для этих групп, тем более что они в полной мере испытывают материальные тяготы переходного кризиса. Однако в высокообразованной и урбанизированной среде много людей, ясно понимающих и чувствующих блага свободы слова, самостоятельной активности, открытия границ, ощущающих облегчение, связанное с избавлением от бетонной тяжести всеобщего огосударствления и принудительности. Еще важнее, что у этих категорий граждан сильнее развита способность к рациональному восприятию и происходящего, и своего положения. В отличие от эмоций и привычек рациональное начало мировосприятия скорее выступает фактором перемен. Недовольство чаще, чем в других секторах общества, проявляется здесь в виде неудовлетворенности тем, как именно осуществляются реформы.

Нечего и говорить, что таким же образом (хотя подчас и по иным причинам) воспринимает трудности нынешнего времени та часть населения, которой удалось приспособиться к происходящему и улучшить свое социальное и материальное положение. Подчеркнем, что речь тут идет не о властной элите или о немногочисленных новых богачах (их от силы несколько тысяч семей), но о зародыше среднего класса, уже теперь охватывающего от пятой до десятой части почти 150-миллионного народа (12).

Преобладание демократической или, точнее, прореформаторской неудовлетворенности в молодежной, интеллигентской, урбанизированной и сравнительно благополучной среде выявляют регулярные и репрезентативные опросы ВЦИОМ. Из них видно, что не удовлетворено современной жизнью (по крайней мере, чувствуют отсутствие удовлетворенности) большинство населения; правда, одни его группы в большей, другие — в меньшей степени. В таких категориях опрошенных, как молодежь, люди, имеющие высшее образование, находящиеся в благополучном материальном положении, удовлетворены нынешней жизнью, считая округленно, 15 — 30%, не удовлетворены — 40 — 50% (прочие — частично удовлетворены, частично — нет). Среди остального населения доля удовлетворенных жизнью не достигает 10%, а неудовлетворенных — составляет 60 — 70%. Так что недовольных почти во всех категориях больше, чем довольных. Но при этом большинство молодежи, интеллигенции, благополучных жителей крупных городов уверено, что рыночная система в принципе предпочтительнее административно-плановой (около 50% против 15 — 25%) и что нынешние реформы нужно продолжать (свыше 50% против 25 — 30%). В то же время в составе немолодежной, менее образованной и менее благополучной части населения больше тех, кто в опросах последних лет снова говорит о преимуществах планового хозяйства сравнительно с рынком (примерно 40% против 20 — 30%); соответственно, здесь нет никакого твердого

преобладания сторонников продолжения реформ (“за” и “против” такого продолжения выступает приблизительно по 25 — 30%).

Связь образования, урбанизации, молодости, предприимчивости с поддержкой рынка прослеживается и во множестве других опросов — ее следует считать одной из немногих твердо установленных закономерностей нынешней социальной ситуации. Поэтому можно с уверенностью говорить, что в близкой перспективе будут развиваться оба типа недовольства: отрицающее пользу рыночного перехода как такового и отвергающее те или иные конкретные пути и методы такого перехода. Правда, общая численность молодежи, интеллигенции, населения крупных городов, вообще людей, живущих в благополучных условиях (это в значительной мере пересекающиеся категории), в 2 — 3 раза меньше числа людей среднего и пожилого возраста, не имеющих высшего образования, обитающих вне крупных городов, находящихся в бедственном материальном положении (13). Разумеется, влияние молодых, культурных, динамичных на всю атмосферу общества далеко превосходит их численность.

Ведущая роль культурно наиболее развитых и наиболее урбанизированных групп населения в формировании массового сознания очевидна. Что касается молодежи и материально благополучных, то они, конечно, далеко не всегда становятся самыми влиятельными общественными силами. Но как раз в эпохи бурного переустройства значение молодежи обычно повышается вследствие особой общественной востребованности присущих ей свойств — энергии, предприимчивости, решительности, если угодно, авантюризма и склонности к риску. В такие времена данные качества, пожалуй, нужны больше, чем опыт и традиционный консерватизм старших поколений. Отчасти это относится и к средне благополучным слоям — в периоды коренных перемен более высокий уровень жизни обычно не наследуется и не дается в награду за конформизм, послушание (как бывает в стабильные эпохи), но достигается с помощью воли, характера, энергии, таланта и настойчивости. Увы, эти свойства в переломное время нередко сочетаются с ослаблением (а то и с полным отсутствием) нравственных сдержек, с непомерным эгоизмом и неразборчивостью в средствах. Если не гений, то сила и талант вполне “совместны” со злодейством.

Не будет преувеличением считать, что более высокий социальный потенциал групп, которые тяготеют к модернизаторской и прореформаторской неудовлетворенности, в целом уравновешивает количественное преобладание антидемократического, антиреформаторского недовольства. Тем более что численный перевес разочарованных в рынке проявляется, главным образом, за счет пассивно недовольных. При этом факторы, обуславливающие различные варианты изменения общественной неудовлетворенности, уравновешиваются. Если устранение широкой социальной неудовлетворенности в ближайшие годы практически невозможно, то возобладание в массовом сознании пассивного недовольства, активного антиреформаторского недовольства или недовольства активно прореформаторского, по большому счету, равновероятно.

К сожалению, подобное равновесие вряд ли может породить стабильную социально-психологическую ситуацию. Конечно, само по себе широкое распространение недовольства и наличие в нем пассивных и активных антиреформаторских и прореформаторских потоков образует устойчивые черты массового сознания в переходной России. Однако стремительные перемены в сравнительной распространенности указанных потоков, быстрая смена пассивной неудовлетворенности на активную, переход от недовольства тем, как осуществляются преобразования, к отрицанию самого существования реформ, и обратно, — эта волнообразность конкретных настроений вытекает из равновесия факторов. Они детерминируют варианты социально-психологического развития с такой же неизбежностью, с какой из тягот переходного времени и генерационной природы ценностей следует устойчивость недовольства как такового. К тому же легкость радикальной смены состояний массового сознания, его опасная

нестабильность многократно усиливаются противоречивостью нынешнего объективного положения большинства. Если у пятой-десятой части населения условия жизни за последнее десятилетие в целом улучшились, а у трети — ухудшились, то у половины они изменились таким образом, что одни жизненные обстоятельства улучшились, другие — ухудшились (12). Возможность мгновенного изменения настроений в подобных обстоятельствах кажется более чем вероятной.

Так что широко распространенные ныне утверждения о “необратимости рыночно-демократических” (или полудемократических) перемен имеют довольно условный смысл. Очень быстрая, за один-два года, реставрация госсocialистической системы, действительно, вряд ли возможна. Однако обусловленный капризами неустойчивого массового настроения и ростом антиреформаторского недовольства “ползучий” приход к власти сил, стремящихся к восстановлению госсocialизма или нацеленных на установление иных форм авторитарности, вполне вероятен, в том числе и в ходе ближайшего цикла парламентско-президентских выборов. Впрочем, в наступающем избирательном цикле вероятно и укрепление основ демократии — в случае роста недовольства прореформаторского характера. И еще более возможно нарастание пассивного равнодушия, способствующего сохранению нынешних полудемократических-полуавторитарных, полурыночных-полубюрократических порядков. В этом отношении социально-психологическая и политическая ситуация в 1999 — 2000 гг. может не слишком отличаться от положения в 1995 — 1996 гг.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДВИДЕНИЯ ВАРИАНТОВ НЕДОВОЛЬСТВА — ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИХ РАЗВИТИЕ

Из сложности и противоречий переходного времени следуют прогнозные выводы двоякого рода.

С одной стороны, рациональный анализ позволяет сравнительно уверенно (разумеется, в пределах надежности любого рационального подхода) отделить возможное от невозможного в эволюции российского массового сознания. Видимо, “нормализация” социально-психологического состояния, т.е. достижение преобладающей удовлетворенности, восприятие общественной системы в качестве “легитимной”, одобряемой народным большинством, невозможна раньше, чем произойдет смена поколений. И вполне возможно распространение различного рода массового недовольства противоположной политической направленности: от терпеливого и смутного чувства, что дело обстоит “неладно”, — до острого, активного возмущения; от неприятия самой рыночной модернизации и несогласия с отрицанием госсocialизма со всеми его ценностями — до неудовлетворенности недостаточно решительным его преодолением, недовольством непоследовательностью, куцым характером рыночно-демократических инноваций.

С другой стороны, тот же анализ не дает оснований утверждать, какой именно из вариантов социально-психологической неудовлетворенности станет преобладающим в обозримой перспективе, в частности, на протяжении предстоящего электорального цикла. Никакие суммы, вкладываемые в избирательные кампании, никакое манипулирование средствами массовой информации, при всем их несомненном значении, не гарантируют получение желаемых результатов 4.

Но это отнюдь не означает, что попытки влиять на общественные настроения бесполезны. Совсем наоборот: поскольку мощные объективные факторы во многом уравнивают друг друга — например, рыночные преобразования принимаются только меньшинством общества, но зато в этом меньшинстве концентрируется наиболее активная, молодая, культурная часть народа — как раз

поэтому субъективные сознательные действия способны оказать очень эффективное воздействие на массовое сознание.

Нет нужды детально разбирать, как именно начало хоть сколько-нибудь устойчивого, осязаемого экономического роста может смягчить неудовлетворенность, пусть и не устранив ее полностью. Здесь стоит заметить и то, что характер хозяйственного подъема в зависимости от многих обстоятельств, в т.ч. от политических решений, может быть разным. Снижению массового недовольства будет способствовать лишь тип роста, ориентированный в целом на повышение оплаты труда и обеспечение занятости, который приведет к немедленному улучшению повседневной жизни большинства 5. Капиталоемкий и трудосберегающий тип роста, способствуя техническому прогрессу в отдаленном будущем, в ближайшей перспективе способен дать обратные результаты. Вообще же, в связи с перспективами развития массового сознания, уместнее подумать о том, на что обычно обращается меньше внимания, — о важности системы внеэкономических, социально-политических, социально-культурных, социально-психологических действий, способных улучшить массовые настроения, облегчить миллионам людей вхождение в новую, непривычную жизнь.

Первостепенную роль тут может сыграть учет психологических факторов, многократно усиливающих субъективное переживание как негативных, так и позитивных перемен объективного характера 6. Задержка заработной платы в среднем сокращает годовой фонд оплаты труда на 5 — 10%, но из-за своей наглой незаконности, оскорбляющей элементарное чувство справедливости и попирающей достоинство человека, вызывает большее возмущение, нежели инфляция, хотя последняя отнимала по 20 — 30% реальных заработков в год (15). Если практика невыплат будет сохраняться и дальше, вполне вероятно, что она обернется всплеском массовых стихийных возмущений непредсказуемой силы и, не исключено, совершенно иррационального характера. Напротив, устранение задолженности по зарплатам и налаживание пенсионных выплат (как в 1997 г.), по тем же социально-психологическим причинам, способны уменьшить недовольство в гораздо большей мере, чем, казалось бы, обычный возврат к норме и увеличение заработков на одну десятую (этому статистически соответствует ликвидация долгов по оплате труда). Реформирование пенсионной системы и жилищно-коммунального хозяйства, которое, скорее всего, придется на предстоящие годы, может породить множество других ситуаций, где “возмущающее” влияние социально-психологических факторов также будет сильнее собственно экономических последствий, если этими факторами реформаторы вновь пренебрегут.

Не меньшее воздействие на обшей настрой массового сознания способно оказать широкое распространение знаний о том, как устроена повседневная жизнь в рыночном обществе и как в ней следует вести себя человеку. Понятно, что полное овладение этими “знаниями и умениями”, сравнимое с усвоением новых ценностей, будет достигнуто лишь в следующих поколениях (фактически знания и ценности являются разными составляющими единого процесса). Однако уменьшить “непонятность” новой повседневности, помочь людям освоиться в непривычных условиях с помощью таких познаний можно уже теперь.

Сверх того, превращение непонятного в понятное, даже если разъяснение никак не повлияет на материальное положение, в любом случае снижает душевное напряжение, ослабляет фобии, неизбежно возникающие, когда у человека нет никакого (пусть и упрощенного) представления о механизмах окружающей жизни. Например, массовое разъяснение того обстоятельства, что пожизненная (а то и “наследственная”) занятость на одном и том же предприятии, широко распространенная в прошлом, становится теперь скорее исключением, и, наоборот, что периоды поиска работы и перекалфикации превращаются в норму, требующую соответствующих “жизненных умений”, — такое разъяснение,

не смягчая безработицу (для этого используются другие средства), способно придать связанным с нею общественным настроениям несколько менее мрачный или безнадежный характер. В этом смысле социальное просвещение, наряду с политическим, является действенным средством для адаптации народного большинства к смене жизнеустройства, повышая вероятность того, что реформирование будет протекать в обстановке умеренного недовольства и сравнительного социального спокойствия.

Наконец, самое главное, в чем может проявиться сознательное воздействие реформаторских сил на соотношение общественных настроений в ближайшие годы. По-настоящему серьезный результат здесь дает отнюдь не прямое воздействие “сверху”. Лобовые призывы и разъяснения, от кого бы они ни исходили, не способны убедить общество в преимуществах критического, но поддерживающего реформы отношения к действительности. (Само собой, это относится и к агитации с противоположным знаком: лозунги “непримиримых” сами по себе вызовут не больше антиреформаторской активности, чем доводы в пользу реформ.) Действительное изменение структуры народной неудовлетворенности, в частности, решительное усиление в ней активного недовольства тем, как проводятся реформы, достижимо только в рамках демократических общественных движений. Лишь систематическое участие значительной части населения в подобных движениях, а не искусные телевизионные манипуляции или агитационно-пропагандистские акции избирательных штабов способны придать недовольству прочную демократическую и прореформаторскую направленность.

Для того чтобы сдвиги в общественных настроениях приобрели сколько-нибудь массовый размах, нужно развивать такие движения и другие виды социальной активности, которые ощущаются (или могут ощущаться) народным большинством как свои собственные, связанные с повседневной жизнью рядового человека. В конкретно-исторических условиях современной России, перегруженной опытом официального лицемерия, популизма и общественных разочарований, не похоже, что в ближайшем будущем указанную роль способны сыграть политические партии. Они вряд ли смогут стать эффективными, если не будут формироваться снизу, если не будут опираться на низовые социальные движения, по самой своей природе призванные защищать и выражать интересы и потребности обычных людей в их каждодневном труде и в быту.

В нынешней российской жизни таковы по своему предназначению профсоюзы, кооперация, общества защиты потребителей, правозащитные объединения, комитеты солдатских матерей, жилищные сообщества, экологические образования и т.п. Надо признать, что реальный авторитет у граждан многих подобных организаций, их фактическая укорененность в народной среде пока что очень слабы. Однако социальные движения вполне могут стать массовыми и даже общенародными. Поэтому сознательные усилия по развитию этих движений, по реализации их возможностей — одно из главных направлений социального прогресса и формирования гражданского общества.

Именно социальные движения и организации способны изменить, аккумулировать токи массового сознания и придать неизбежному недовольству народного большинства конструктивный демократический характер. Помимо всего прочего, они образуют почву и для здоровой политизации масс, для складывания многопартийной системы. Как известно, именно партии являются основным институциональным средством перенесения социальных противоречий и недовольства в область политики. При этом, по наблюдениям политологов, неоднородность классового состава партий позволяет значительно снижать интенсивность социально-экономических противоречий в обществе (см.: 16).

Понятно, что социальные движения (как и политические) могут получить и антидемократическую направленность. Угрозы этого рода явно ощущаются в

некоторых казачьих, этнических, религиозно-общественных объединениях, т.е. в движениях, которые способны выразить массовые чаяния и получить широкую поддержку, обладая высоким социальным потенциалом. Впрочем, от возникновения реакционных устремлений не застрахованы никакие движения — ни профсоюзы, ни экологи, ни местное самоуправление.

Да и вообще, самодеятельное движение может стать опасным, если выйдет за пределы законности и превратится в самодовлеющую силу, нарушающую демократический порядок. В конечном счете, все зависит не столько от “вождей”, сколько от активистов, от рядовых членов этих движений, т.е. от нас самих, от преобладания в наших душах и умах начал добра или злобы, мудрости или безумия.

1. Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М. 1997, с.167-184.
2. Более подробно взгляд автора на факторы этого кризиса изложен в: Гордон Л. Положение наемных работников в России 90-х годов. М., ИМЭМО РАН, 1997, с.15-21.
3. Маслюков Ю. Оборонному комплексу надо помочь. — “Независимая газета”, 17.1.1998.
4. Гордон Л., Плискевич Н. Развилки и ловушки переходного времени. — “Полис”, 1994, № 4, 5.
5. Соответствующие данные государственной статистики приводятся в специальных сборниках Госкомстата РФ. См., напр.: Уровень жизни населения России. 1996; Социальная сфера России. 1996; Социальное положение и уровень жизни населения России. 1997; Труд и занятость в России. 1996; Рынок труда в странах Содружества Независимых Государств. 1997 — 1998. Материалы социологической статистики регулярно публикуются Всероссийским Центром по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). См.: “Экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень” (с 1998 г. — “Мониторинг общественного мнения”).
6. Данные репрезентативных для взрослого населения России опросов ВЦИОМ, проведенных зимой, соответственно, 1995, 1996 и 1997 гг.
7. Социально-психологические механизмы возникновения подобных (и сходных) настроений описаны в: Гозман Л., Шестопал Е. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996, с.269-363; Дилигенский Г. Социально-политическая психология. М., 1996, с.79-197; Магун В. Потребности и психология социальной самодеятельности; Л., 1983, с. 100-110; Шубкин В. Страхи в России; Ядов В. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания. — “Социологический журнал”. 1997, № 3.
8. “Экономические и социальные перемены”, 1997, № 1, с.49-50; № 5, с. 47-48.
9. См.: Лапицкий М.И. Далекое — близкое. Заметки о Токвиле. — “Полис”, 1993, № 3, с.127-129.
10. См., напр.: “Жестким курсом”. Аналитическая записка по концепции перехода к рыночной экономике в СССР. — “Век XX и мир”. 1990, № 6, с. 15-19.
11. Гордон Л, Назимова А. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.

12. "Мониторинг общественного мнения". 1998, № 1.
13. Российский статистический ежегодник. 1997. М., Госкомстат, 1997, с. 75-83, 181-183.
14. "Независимая газета", 23.II.1998.
15. Социально-трудовые исследования. Вып. VII. М., ИМЭМО РАН, 1997, с.78-91.
16. См., напр.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997, с.120-124.

Часть исследований, положенных в основу настоящей статьи, выполнена в рамках проекта "Социально-экономическая ситуация и социальные права человека", финансируемого из средств Фонда К. и Б.Макартуров.

1 Неудивительно, что опрос, проведенный на съезде политологов России в феврале 1998 г., выявил их неверие в возможность преодолеть нынешний кризис нашего общества раньше, чем через 20 — 25 лет.

2 На наш взгляд, здесь стоит вспомнить вывод, который сделал на основе осмысления событий Великой французской революции А. де Токвиль в работе "Старый порядок и революция". Он писал, что "народное возмущение" вспыхивает отнюдь не тогда, когда положение масс является самым отчаянным, но тогда, когда это положение облегчается после долговременного угнетения. Как справедливо отмечалось в нашей литературе, этот "закон Токвиля" явно не соответствует ленинской схеме возникновения "революционной ситуации" (9).

3 Вопреки популярному в последние годы публицистическому штампу относительно деревенско-крестьянского стержня российского общества, практически все социологические исследования 1980 — 1990-х годов свидетельствуют об окончательном превращении России в индустриально-урбанистическую страну (что и явилось одной из главных объективных предпосылок потока перемен, захлестнувших нас с середины 1980-х годов). О взглядах автора в данной связи см.: 11.

4 Заметим попутно, что, вопреки расхожему мнению, опыт выборов 1996 г. показал не столько огромные возможности телевидения, сколько границы его влияния на избирателей. Известно, что телевидение тогда в общем и целом поддерживало Б.Н.Ельцина; бесспорно также, что сильнее всего оно действует на аудиторию старшего возраста с низким уровнем образования. Тем не менее, именно эта категория избирателей реже других голосовала за Ельцина.

5 Б.Немцов, практически ощущающий влияние экономического роста на политические настроения, недавно заявил: "Понимая, что исход выборов 1999 — 2000 гг. зависит от нашей работы в 1998 г., я бы сформулировал так. Не добиться статистического экономического роста на 1,5 — 2%, даже на 5%, а добиться таких изменений, в первую очередь, в социальной сфере: реальные доходы, безработица и т.д., которые почувствовали бы люди, — вот это ключевая цель, которая и будет определять исход выборов" (14).

6 Непонимание важности таких факторов особенно проявилось после отпуска цен, запустившего инфляцию. Своевременное объявление о

замораживании денежных вкладов населения с выплатой их через несколько лет могло бы, разумеется, оказать лишь психологическое воздействие. Но этот шаг все же смягчил бы отчаяние и безнадежность, охватившие тогда миллионы людей, которые потеряли свои сбережения.